

**ВЛАДИМИР
ДАЛЬ**

*О поверьях,
суевериях
и предрассудках
русского народа*

Санкт-Петербург

УДК 39
ББК 63.5(2)
Д 15

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Составление, предисловие и примечания
Кирилла Королева

© К. М. Королев, составление,
предисловие, примечания, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука*

ISBN 978-5-389-30646-2

Предисловие

Сегодня Владимир Даль прочно и заслуженно известен прежде всего как составитель «Словаря живого великорусского языка», этого бесценного кладезя «народной мудрости», как выражались в XIX столетии, — богатейшего собрания языковых и культурных фактов, не утратившего своего значения по сей день. Именно поэтому Даля чаще всего именуют ныне филологом или лингвистом (хотя последнее — неправильно, лингвистом, то есть специалистом по структуре языка, он точно не был). Иногда еще вспоминают, что по образованию и основному роду деятельности он был врачом, а к изучению русского языка и русской культуры обратился по зову души, подобно многим образованным своим соотечественникам первой половины XIX века.

В ту пору в России существовало две культуры, во многом независимых друг от друга, — культура грамотных с ее привержен-

ностью классической европейской традиции и культура «простонародная», или, как принято было говорить, «подлая». Пушкина после публикации стихотворных сказок некоторые критики упрекали в использовании «подлых» словечек и сюжетов, что неприемлемо для настоящей литературы. В наши дни эти обвинения вызывают лишь недоуменную усмешку, но в те годы многие в самом деле считали, что «мужицким» словам и «байкам» нет места в подлинной культуре. Впрочем, постепенно — пусть очень неспешно — такое положение дел начинало меняться.

Пробуждение интереса к «народному» среди образованных сословий неразрывно связано с утверждением романтизма, высоко ценившего «сокровища народной души», если процитировать одного из первых отечественных этнографов-любителей И. П. Сахарова. По всей Европе, в том числе и по России, прогремело тогда имя Оссиана — легендарного древнеирландского барда, поэмы которого якобы нашел (на самом деле сочинил) и опубликовал шотландский поэт Джеймс Макферсон в 1760-х годах. «Оссиановы поэмы» пробудили у дворянства и мещан интерес к «седой древности» и народной культуре собственных стран, благодаря чему развернулась настоящая охота за памятни-

ками старины: именитые вельможи — а следом за ними купцы и промышленники — превратились в коллекционеров и принялись состязаться между собой в том, кто соберет больше фольклорных текстов; они платили за розыск старинных рукописей и отряжали ученых записывать народные песни, сказки и предания.

До поры все эти сокровища хранились в частных собраниях, именно там прятались подлинные жемчужины древней словесности — например, рукопись «Слова о полку Игореве». Однако растущий в обществе интерес к истории и культуре страны побуждал коллекционеров делиться своими находками, то есть передавать рукописи в печать. Так, в 1800 году было осуществлено первое печатное издание «Слова», а в 1804 году увидел свет сборник «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (первая публикация былин).

Приблизительно тогда же стали появляться и первые ученые исследования отечественной народной культуры, которые — со значительными оговорками, конечно, — можно назвать этнографическими. У истоков описания традиционной русской повседневности стояли Александр Пушкин, записывавший народные сказки со слов няни, и два Ивана —

Снегирев, выпустивший «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1837–1839), и Сахаров, составивший «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (1836). Эти авторы, образно выражаясь, распахнули ворота в мир «подлой» культуры русского крестьянства и городских низов, после чего такие исследования хлынули полноводной рекой, становясь все более профессиональными. Среди тех, кто приложил руку к изучению и популяризации народной культуры, был и Владимир Даль.

Хотя в справочниках сочинение Даля «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» обычно датируется 1880 годом, очерки, составившие впоследствии эту книгу, публиковались сначала по отдельности в журнале «Иллюстрация» в 1845–1846 годах. То есть Даль писал очерки непосредственно на основе полевых материалов, накопленных в ходе работы над будущим «Словарем» (известно, что фольклорные и языковые записи он вел с юности), практически не имея предшественников, на труды которых он мог бы, как принято в науке, опираться, — не считая упомянутых работ Снегирева и Сахарова. Поэтому сочинение Даля, содержательное настолько, что оно по сей день не утратило своего значения, обладало дополнительной ценностью: в нем и вправду звучал — пусть

слегка приглаженный из соображений благопристойности, как ее тогда понимали, — «голос народа». Эту дополнительную ценность этнографические очерки Даля сохраняют до сих пор.

* * *

Для настоящего издания текст работы Даля «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» заново сверен с книжной публикацией 1880 года (СПб.: Изд. М. Вольфа).

Дополняют основную работу статьи Даля, написанные в разные годы и сходные по тематике с предметом обсуждения «Поверий и суеверий»: это статьи о гомеопатии, модной врачебной теории того времени, затрагивающие в том числе тему народной медицины и «лекарственных» предрассудков, а также о пословицах, заговорах и былинах.

* * *

Хочется надеяться, что читателю этого сборника Владимир Даль откроется не только как талантливый филолог, но и как тонкий и беспристрастный наблюдатель народной жизни, каким и положено быть этнографу. Недаром Николай Гоголь отмечал в Дале именно эти черты: «Он не поэт, не владеет искусством вымысла, не имеет даже стремления производить творческие создания. Ум

твердый и дельный виден во всяком его слове, а наблюдательность и природная острота вооружают живость его слова. Все у него правда и взято так, как есть в природе» (письмо П. Плетневу, 1846). Сочинения Даля, продолжая цитировать Гоголя, «есть живая и верная статистика России», и всякому, кто возьмет в руки это издание, предстоит в том убедиться.

Кирилл Королев

*О поверьях,
суевериях
и предрассудках
русского народа¹*

¹ Текст печатается по книжному изданию 1880 г.

Вступление

Шиллер сказал: «И в детской игре кроется иногда глубокий смысл», — а Шекспир: «И на небе, и на земле есть еще много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во сне». Это можно применить к загадочному предмету, о коем мы хотим поговорить. Дух сомнения составляет свойство добросовестного изыскателя; но само по себе и безусловно, качество сие бесплодно и даже губительно. Если к этому еще присоединится высокомерное презрение к предмету, нередко служащее личиной невежества особенного рода, — то сомнение, или неверие, очень часто бывает лицемерное. Большая часть тех, кои считают долгом приличия гласно и презрительно насмехаться надо всеми народными предрассудками, без разбора, — сами верят им втихомолку или, по крайней мере из предосторожности, на всякий случай, не выезжают со двора в понедельник и не здороваются через порог.

С другой стороны, если и смотреть на поверья народа вообще как на суеверие, то они не менее того заслуживают нашего внимания как значительная частица народной жизни; это путы, кои человек надел на себя — по своей ли вине или по необходимости, по большому уму или по глупости, — но в коих он должен жить и умереть, если не может стряхнуть их и быть свободным. Но где и когда можно или должно сделать то или другое — этого нельзя определить, не разобрав во всей подробности смысла, источника, значения и силы каждого поверья. И самому глупому и вредному суеверию нельзя противодействовать, если не знаешь его и не знаком с духом и с бытом народа.

Поверьем называем мы вообще всякое укоренившееся в народе мнение или понятие, без разумного отчета основательности его. Из этого следует, что поверье может быть истинное и ложное; в последнем случае оно называется собственно суеверием или, по новейшему выражению, предрассудком. Между этими двумя словами разницы мало; предрассудок — понятие более тесное и относится преимущественно к предостерегательным, суеверным правилам, что, как и когда делать. Из этого видно, еще в третьем значении, важность предмета, о коем мы говорим; он дает

нам полную картину жизни и быта известного народа.

Не только у всех народов земного шара есть поверья и суеверия, но у многих они довольно схожи между собой, указывая на один общий источник и начало, которое может быть трех родов: или поверье, возникшее в древности, до разделения двух народов, сохранилось по преданию в обоих; или, родившись у одного народа, распространилось и на другие; или же, наконец, поверье, по свойству и отношениям своим к человеку, возникло тут и там независимо одно от другого. В этом отношении есть много ученых указаний у господина Снегирева¹. Сочинитель настоящей статьи ограничился одними только поверьями русского народа или даже почти исключительно тем, что ему случилось собрать среди народа; посему статья эта вовсе не есть полное исследование этого предмета, а только небольшой сборник подручных в настоящее время запасов².

¹ Иван Михайлович Снегирев (1793–1868) — один из первых русских этнографов, археолог и первый исследователь народного лубка. Автор имеет в виду его сочинение «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (четыре выпуска, 1837–1839). — *Примеч. ред.*

² Я с намерением не перечитывал теперь сочинений ни г-на Снегирева, ни г-на Сахарова. Я даю только сборник, запас, какой случился. Праздничных обрядов я мало касаюсь, потому что предмет этот обработан г-ном Снегире-

Север наш искони славится преимущественно большим числом и разнообразием поверий и суеверий о кудесничестве разного рода. Едва ли большая часть этого не перешла к нам от чудских племен. Кудесники и знахари северной полосы отличаются также злобой своею, и все рассказы о них носят на себе этот отпечаток. На Юге видим более поэзии, более связных, сказочных и забавных преданий и суеверий, в коих злобные чернокнижники являются только как необходимая прикраса, для яркой противоположности. Нигде не услышите вы столько о порче, изурочении, как на Севере нашем; нигде нет столько затейливых и забавных рассказов, как на Юге.

Поверья местные, связанные с известными урочищами, курганами, городами, селами, городищами, озерами и пр., не могли войти в эту статью главнейше потому, что такое собрание вышло бы ныне еще слишком неполно и отрывочно. Если бы у нас много лет подряд занимались повсеместно сбором этих преданий, тогда только можно бы попы-

вым; а повторения того, что уже помещено в «Сказаниях» г-на Сахарова, произошли случайно, из одного и того же источника. Я дополнил статью свою из одной только печатной книги: «Русские суеверия» Чулкова, в которой, впрочем, весьма немного русского. — *Здесь и далее примеч. автора, если не указано иное.*

таться составить из них что-нибудь целое. Но предания эти гибнут невозвратно; их вытесняет суровая вещественность, которая новых замысловатых преданий не рождает.

Всё на свете легче осмеять, чем основательно опровергнуть, иногда даже легче, нежели дать ему веру. Подробное, добросовестное разбирательство, сколько в каком поверье есть или могло быть некогда смысла, на чем оно основано и какую ему теперь должно дать цену и где указать место, — это нелегко. Едва ли, однако же, можно допустить, чтобы поверье, пережившее тысячелетия и принятое миллионами людей за истину, было изобретено и пущено на ветер без всякого смысла и толка. Коли есть поверья, рожденные одним только праздным вымыслом, то их очень немного; и даже у этих поверий есть, по крайней мере, какой-нибудь источник, например: молодцеванье умников или бойких над смирными; старание поработить умы самым сильным средством — общественным мнением, против которого слишком трудно спорить.

У нас есть поверья — остаток или памятник язычества; они держатся потому только, что привычка обращается в природу, а отмена старого обычая всегда и везде встречала сопротивление. Сюда же можно причислить

все поверья русского баснословия, которое, по всей вероятности, стоит в связи с отдаленными временами язычества. Другие поверья придуманы случайно, для того, чтобы заставить малого и глупого окольным путем делать или не делать того, чего от него прямым путем добиться было бы гораздо труднее. Запугав и поработив умы, можно заставить их повиноваться, тогда как пространные рассуждения и доказательства ни малого, ни глупого не убедят и, во всяком случае, допускают докучливые опровержения.

Поверья третьего разряда в сущности своей основаны на деле, на опытах и замечаниях; поэтому их неправильно называют суевериями; они верны и справедливы, составляют опытную мудрость народа, а потому знать их и сообразовываться с ними полезно. Эти поверья бесспорно должны быть все объяснимы из общих законов природы: но некоторые представляются до времени странными и темными.

За сим непосредственно следуют поверья, основанные также в сущности своей на явлениях естественных, но обратившихся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям.

Пятого разряда поверья изображают дух времени, игру воображения, иносказания — словом, это народная поэзия, которая, буду-

чи принята за наличную монету, обращается в суеверие.

К шестому разряду, наконец, должно причесть, может быть только до поры до времени, небольшое число таких поверий, в коих мы не можем добиться никакого смысла. Или он был утрачен по изменившимся житейским обычаям, или вследствие искажений самого поверья, или же мы не довольно исследовали дело, или, наконец, может быть, в нем смысла нет и не бывало. Но как всякая вещь требует объяснения, то и должно заметить, что такие вздорные, уродливые поверья произвели на свет, как замечено выше, или умничанье, желание знать более других и указывать им, как и что делать, или пытливый, любознательный ум простолюдина, доискивающийся причин непонятного ему явления; эти же поверья нередко служат извинением, оправданием и утешением в случаях, где более не к чему прибегнуть. С другой стороны, может быть, некоторые бессмысленные поверья изобретены были также и с той только целью, чтобы, пользуясь легковерием других, жить на чужой счет. Этого разряда поверья можно бы назвать мошенническими.

Само собой разумеется, что разряды эти на деле не всегда можно так положительно разграничить; есть переходы, а многие поверья, без сомнения, можно причислить

и к тому и к другому разряду; опять иные упомянуты у нас по связи своей с другим поверьем, в одном разряде, тогда как они, в сущности, принадлежат к другому. Так, например, все лицедеи нашего баснословия принадлежат и к остаткам язычества, и к разряду вымыслов поэтических, и к крайнему убежищу невежества, которое не менее, как и само просвещение, хотя и другим путем, ищет объяснения непостижимому и причины непонятных действий. Лица эти живут и держатся в воображении народном частью потому, что в быту простолюдина, основанном на трудах и усилиях телесных, на жизни суровой, мало пищи для духа; а как дух этот не может жить в бездействии, хотя он и усыплен невежеством, то он и уносится посредством мечты и воображения за пределы здешнего мира. Не менее того пытливый разум, изыскивая и не находя причины различных явлений, в особенности бедствий и несчастий, также прибегает к помощи досужего воображения, олицетворяет силы природы в каждом их проявлении, сваливает все на эти лица, на коих нет ни суда, ни расправы, — и на душе как будто легче.

Вопрос, откуда взялись баснословные лица, о коих мы хотим теперь говорить, возник и в самом народе: это доказывается сказками об этом предмете, придуманными там

же, где в ходу эти поверья. Домовой, водяной, леший, ведьма и пр. не представляют, собственно, нечистую силу; но, по мнению народа, созданы ею или обращены из людей за грехи или провинности. По мнению иных, падшие ангелы, спрятавшиеся под траву прострел, поражены были громовою стрелою, которая пронзила ствол этой травы, употребляемой по этому поводу для залечения ран, и низвергла падших духов на землю; здесь они рассыпались по лесам, полям и водам и населили их. Все подобные сказки явным образом изобретены были уже в позднейшие времена; может быть, древнее их мнение, будто помянутые лица созданы были нечистым для услуг ему и для искушения человека; но что домовой, например, который вообще добродетельнее прочих, отложился от сатаны — или, как народ выражается, от черта отстал, а к людям не пристал.

Даль В.

Д 15 О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / Владимир Даль. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-30646-2

Сегодня Владимир Иванович Даль (1801–1872) заслуженно известен как составитель «Словаря живого великорусского языка». Замечательно при этом, что по основному роду деятельности он был врачом, а к изучению русского языка и русской культуры обратился по зову души, подобно многим образованным соотечественникам первой половины XIX века.

В настоящем сборнике Владимир Даль представлен как исследователь и популяризатор народной культуры. Очерки, составившие впоследствии книгу «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» были написаны на основе полевых материалов, накопленных в ходе работы над будущим «Словарем». Именно поэтому в сочинении Даля и вправду звучал — пусть слегка приглушенный из соображений «благопристойности» — «голос народа». Эту ценность этнографические очерки Даля сохраняют до сих пор.

Также в сборник включены сходные по тематике статьи разных лет: статьи о гомеопатии, модной врачебной теории того времени, «лекарственных» предрассудках, а также о пословицах, заговорах и былинах. Текст печатается по изданию 1880 года и ранним публикациям статей.

УДК 39

ББК 63.5(2)

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ
О ПОВЕРЬЯХ, СУЕВЕРИЯХ
И ПРЕДРАССУДКАХ
РУССКОГО НАРОДА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редактор Кирилл Королев

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Дмитрий Капитонов, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.10.2025.

Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru

www.azbooka.ru

Отпечатано в России.

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-NFA-39835-01-R